

ВАДИМ РОССМАН

Метаморфозы философии в эпоху тотального и беспощадного бухучета

Эти заметки принадлежат философу-рenegату, который волей случая стал бухгалтером отчасти для того, чтобы уцелеть в сегодняшнем бесприютном меркантильном мире, но отчасти и для того, чтобы лучше понять современный мир, движимый и сотрясаемый все в большей степени не идеями и даже не материей, а строчками финансовой отчетности. Отлученный от философии, он шел за кардинальными тенденциями современности, погружаясь в бухгалтерский ад, чтобы познать этот мир с его числовой изнанки. В результате его взгляды обогатились бухгалтерскими интуициями, но одновременно сохранили атавистические элементы философского подхода к вещам. Ведь философское мышление давно стало атавизмом. Заполняя очередную финансовую декларацию, циркуляр или сводку о приходах и расходах, в чадю числовых пермутаций автор время от времени записывал свои мысли — иногда в специально заведенную для этого тетрадь, а иногда складывал их в особую шкатулку, которую держал в офисе на своем рабочем столе. Когда шкатулку стало распиравать от скопившихся в ней мыслей, он, как смог, рассортировал их по темам и сплел в предлагаемые ниже философические арабески.

Конец философии. Многие говорят о том, что философия кончилась в силу своей несостоятельности и некомпетентности — неспособности разрешить конкретные проблемы. Все здесь как раз наоборот. Если бы хоть один из фундаментальных философских вопросов когда-нибудь как-то разрешился, то это как раз и означало бы начало конца философии.

Основной вопрос философии. В других науках, даже гуманитарных, предмет изучения всегда сравнительно ясен. В философии предмет исследования недостаточно определен. Основной вопрос философии — это

не вопрос об истине и ее критериях, и не вопрос об отношении материи и идеи, и даже не вопрос о самоубийстве. Сегодня основной вопрос философии — это прежде всего вопрос о самом предмете философии. Философия нарциссична и потому даже первый и главный вопрос ее — всегда о самой себе. Философия должна изобретать не только феномены, но и сам предмет своей науки, а часто и метод. В этом ее сходство с искусством.

Призвание варягов в философию. Время от времени философия призывала к себе варягов из других дисциплин, чтобы навести у себя порядок — дисциплинировать саму эту непокорную и своенравную дисциплину. Варяги приходили и приносили с собой более точные методы и более строгую дисциплину мышления, пытаясь ревизовать рыхлую и спекулятивную структуру философии. С такими варяжскими амбициями пришел однажды в философию математик Эдмунд Гуссерль, угрожая превратить ее в «строгую науку», одинаково истинную «для людей, ангелов и богов», а также Фрейд со своими квазимедицинскими методами и подходами. Но постепенно все в философии вновь возвращалось на круги своя, новые методы начинали буксовать и застревали в снегах и непроходимых болотах философской проблематики. Многие из тех, кто пришел навести порядок в онтологии и побороть платонизм, сами в конце концов стали платониками. История философии — это коллекция экзотических насекомых, застрявших в философии навсегда, подобно пауку, запекшемуся в янтарной бусине.

Москва как метафизика. Кутузов сдает Москву французам, чтобы одержать победу в войне. Философы сдают ученым метафизические проблемы, чтобы потом взять их назад. В 80-е годы прошлого века происходит массовый исход ученых из философских проблем в литературу. Философы сжигают за собой мосты возможных решений философских проблем. Однако общий климат философии оказывается слишком холодным для ученых, и они не могут удержаться в арктической Москве сколь-нибудь долго. Постепенно ученые бегут из философии подобно наполеоновской армии, отступающей с обмороженными конечностями из Москвы. Они не выдерживают морозов и бесконечных обледеневших дорог философского умозрения. Тифозные трупы ученых философских систем, подобно трупам наполеоновских солдат, устилают смоленскую дорогу отступления.

О краткости и экономии письма. Многие современные профессора философии, как и начинающие писатели, описывают и представляет себя так, будто их сочинения надлежит не читать, а считать: «Имярек, автор 14 книг и более двухсот статей». Как будто бы единицами творческой мощи являются не мысли или теории, а публикации. Для контраста можно припомнить иных древних и не столь древних авторов. Людвиг Витген-

штейн — автор одной книги, одной статьи и одной рецензии. Бенедикт Спиноза — автор двух книг. Демокрит — автор 26 афоризмов. Мишель Монтень — автор одной книги. Гомер — автор двух книг. Данте — автор одной книги и одной брошюры. Милтон — автор одной поэмы. Хайдеггер не выронил ни единой публикации за 10 лет, предшествовавших публикации «Бытия и времени». Большинство современных философов, даже из дебютантов и малопишущих, уже на световые годы опередили Витгенштейна или Данте. Блез Паскаль во второй из своих двух книг — «Письмах к провинциалу» — записал: «Эти письма были бы гораздо короче, если бы у меня было достаточно времени».

О молчании ягнят в философии. Динамика жизни и специализация загнали философию в катакомбы академических журналов, откуда ее голос уже крайне редко доносится до публики. Маркс в свое время бросал свои статьи в публику, как боевые гранаты. Ницше сравнивал себя и свои сочинения с динамитом. Герцен философствовал «колоколом» с чугунным языком. Владимир Маяковский «перо приравнял к штыку». Сегодня статья, опубликованная в философском журнале, в лучшем случае может произвести не взрыв, а глухой всплеск — как будто кто-то аккуратно спустил за собой воду в уборной. Культурная звукоизоляция современного общества стала настолько продвинутой и эффективной, что шума от этого всплеска часто не слышно даже в ближайших академических комнатах. Философия утратила способность удивлять, потрясать и даже интересовать. В прошлом она, вопреки последнему тезису о Фейербахе, нередко пыталась изменить лицо мира. На сегодняшний день любой посредственный инженер изменяет мир гораздо более драматически, чем самый раскатыстый и всюду мельтешащий философ. Маркс и Фрейд пытались превратить философию в практическую и действенную дисциплину, но эта попытка по существу окончилась провалом. В основе этой утраты интереса к философии лежит двойной центрбежный процесс: философия сжалась и ушла в себя, а публика разбрелась по окраинам и отдалилась.

Об истории как методе борьбы с философией. Все или почти все, что осталось сегодня от философии, — это чешуя ее истории. Та часть аристотелевской метафизики, которую не удалось формализовать, постепенно превратилась в чисто историческую дисциплину. Историзирована была даже сама вечность. Сегодня в философии как будто не осталось более новых месторождений. Все, что находят сегодня старатели, — это крупницы на старых, много раз прежде уже отработанных приисках и при этом сами философские проблемы подаются уже под соусом проблем чисто исторических: так в зоопарке детям показывают диких зверей. В вольерах исторического подхода эти философские проблемы уже не так опасны. Европейский желудок более не может питаться философскими проблемами в сыром виде без обильной исторической приправы и специй. В этом смысле судьба философии в Европе сродни судьбе мифологии

в Китае. В древности конфуцианцы настолько старательно историизировали и фальсифицировали свою мифологию, что она постепенно сошла на нет. В результате китайцы остались без собственной мифологии, но с огромным массивом истории и морали. Когда-нибудь философию также потребуется реконструировать из какого-нибудь вторичного сырья или совсем переработанного чужеродного материала. Так история, следуя примеру своего отца Хроноса, постепенно пожирает сначала мифологию, а потом и философию в своем братоубийственном экспансионистском порыве.

Об одиннадцатом тезисе о Фейербахе. Вопреки одиннадцатому тезису о Фейербахе, философы всегда были обеспокоены именно тем, как изменить мир, даже если и любили принимать позу чистых созерцателей, ограничивающихся только объяснением мира. Философы стихийно и целенаправленно стремились пробраться поближе к правителям, так как масштаб и сама область их мышления требовали близкой, почти интимной, коммуникации с политиками для практического осуществления своих идей. В своем порыве к преобразованию мира философия была наукой одновременно царская и царственная. Римский стоик Марк Аврелий сам был императором. Платон служил тирану Сиракуз Дионисию. Аристотель наставлял Александра Македонского. Сенека был учителем Нерона. Плотин имел в лице императора Галиена ближайшего друга и покровителя: по его наводке и проектам Галиен собирался построить целый город, который бы функционировал по законам платоновского «Государства». Маймонид был советником халифов Каира и Кордовы. Иоанн Скотт Эриугена служил при французском короле Карле Лысом. Макиавелли создал своего «Государя» для наставления и увещевания Лоренцо Медичи. Лоренцо Валла был наставником неаполитанского короля Альфонсо Арагонского. Марселио Фичино был придворным философом Козимо Медичи, который подарил ему виллу для его ученых и переводческих занятий. Фрэнсис Бэкон был другом и протее графа Экса. Рене Декарт годами жил при шведской королеве Кристине. Джанбатиста Вико сносился с кардиналом Лоренцо Корсини, которому посвятил свою главную книгу. Лейбниц поддерживал близкие отношения с герцогом Ганноверским, а Петр Первый назначает его тайным юстиц-советником по реформированию административной системы Российской империи. Иммануил Кант посвятил свою главную критику, «Критику чистого разума», своему покровителю министру Цедлицу. Французские просветители и энциклопедисты Вольтер и Дидро состояли в дидактической переписке с Екатериной Великой, а Жан-Жак Руссо даже подвизался в деле написания польской конституции. Огюст Конт пытался материализовать свои идеи в России и с такой целью вступил в переписку с российским императором Николаем I. Заметим в скобках, что проекты преобразований эпохи Просвещения надо было проверять и обкатывать за пределами Европы — прежде всего в Новом Свете, в Мексике или России. Но даже и в по-

слевоенные времена эта тяга философов к правителям и власть имущим продолжалась. Серый кардинал французского правительства Александр Кожев пишет письмо, растянувшееся на двести страниц, генералиссимусу Иосифу Сталину. Исайя Берлин дружил с Маргарет Тэтчер — и заметим также в скобках — был женат на дочери Ротшильда. Масштаб мышления философов и их смелые проекты по обустройству государств и всей вселенной всегда требовали более серьезных друзей и меценатов по сравнению с теми, которые кормили искусство.

Разнообразные фонды и университетские подачки отнюдь не заменили щедрости былых королей. Во многих случаях именно правительство и власть имущие являлись явным, но далеко не всегда названным адресатом философских трактатов. После Второй мировой войны влияние философии в политике значительно ослабевает. Постепенно политика эмансипируется от философии. Как особая и автономная дисциплина она больше не хочет иметь под собой никаких философских оснований, а только основания экономические и юридические. В виде исключения и интересного курьеза, который только подтверждает правило, упомянем здесь также о современной администрации США, где заметно влияние учеников американского политического философа Лео Штрауса — своего рода последнее философское лобби. Только самонадеянность Карла Маркса и его страсть к лозунгам могут объяснить несуразность последнего тезиса о Фейербахе.

Симметрия имперского и философского. В новое время философия черпала свое вдохновение в политике и развивалась параллельно с государственным строительством. Время империй совпало с периодом конструирования и конкуренции философских систем. Неудовлетворенные имперские амбиции Германии — неудачи на поприще строительства национального государства, рыхлая колониальная политика в Восточной Европе и ностальгия по национальному единству — вылились и нашли свою компенсацию в создании воздушных замков немецкой классической философии, прекрасных по замыслу, но не всегда по литературной форме. Напротив, успешное строительство Британской империи совпало с достаточно скептическим и прохладным отношением к отвлеченным философским конструкциям. Имперские тенденции мышления немецких классических философов облеклись при этом в презрение ко всем другим формам знания и привели их к своего рода философскому шовинизму. Это тяготение философии к интеллектуальному шовинизму, столь очевидное в немецкой классике, отнюдь не случайно. Философ по самым базовым инстинктам своего мышления — это всегда интеллектуальный империалист, который стремится к экспансии и пытается покрыть своей мыслью и философской концепцией весь мир и всю вселенную. Философия, достойная своего имени, всегда стремится к диктатуре и освоению или оккупации все новых интеллектуальных ландшафтов. В идеале все явления мира должны быть покрыты и долж-

ны получить объяснение внутри глобальной философской системы, а все прочие мысли и концепции, даже из других областей знания, должны стать иллюстрацией и подтверждением этих философских идей. Когда сегодня науки и университетские философы предлагают философии осознать свою ограниченность, они тем самым посягают на самую ее историческую суть и номос. В аналитической традиции Карнапа, Остина и Крипке философия превращается по сути из общей в частную науку.

Философия и мудрость. Философия отлична от мудрости. Философия может быть отнюдь не мудра, а мудрость как правило бывает даже антифилософична. Тем не менее философы иногда продолжают кутаться в тогу мудрецов.

Философия и либерализм. Либеральная современность не любит философии, справедливо угадывая, что если дать философии распрямиться, она примкнет к врагам либерализма и передаст им весь свой взрывоопасный тоталитарный антилиберальный арсенал. Философ мыслит тотально: тотальность является номосом его подхода к вещам. Классическое философское мышление — мышление сущностное и нормативное. В противоположность такому мышлению современность не приемлет метафизического или сущностного подхода к вещам. Такие классические философские вопросы, как, например, вопрос второй кантовской критики «Что делать?» или вопросы о сущности человека и его истинной природе, которые вдохновляли всю историю философии, сегодня более не воспринимаются серьезно. Эти вопросы противоречат самой базовой этике либерализма и всем его элементарным интеллектуальным инстинктам и правилам благопристойности. Любой последовательный либерал должен немедленно отказаться от этих вопросов как от вопросов вредных и нелегитимных и принять навеки на веру постулаты скептицизма, агностицизма и фаллибилизма. Поневоле можно задаться вопросом, действительно ли существуют такие сквозные, общие и незыблемые законы бытия, мышления и общества, о которых говорили и еще кое-где продолжают шептаться философы.

Метафизическое барство. Философ заказывает себе в качестве основного блюда то, что остальные заказывают себе в лучшем случае на десерт.

Мечта философа. Подобно тому как всякий настоящий бизнесмен мечтает разбогатеть и не работать на работодателя, а управлять собственным бизнесом и иметь наемных работников, а всякий подлинный солдат мечтает стать генералом, всякий истинный философ всегда мечтает, хотя бы втайне, создать собственную философскую систему. В этом смысле истина для философа вторична.

Философия и наука. В течение столетий наука и сфера знаний в целом выжимали из себя философию по капле подобно тому, как, по слову Чехова, человеку надлежит выжимать из себя раба. Первоначально предполагалось, что философия должна выполнять в отношении науки ту же роль, которую сама наука выполняет в отношении мифов, суеверий и популярных мнений. Для этого философия должна анализировать предрассудки и бессознательные элементы в самой науке, ее собственные эпистемологические предпосылки, классифицировать ее мифы и обозначить условия ее возможности. В аналитической картине мира это отношение между философией и наукой переворачивается: теперь сама наука диктует философии ее место и даже методы и анализирует условия ее возможности. Уже в картине мира Локка философия превращается в своего рода служанку науки. Наука берет на себя эту новую роль хозяйки, вероятно, исходя из простой интуиции о том, что философия не может осветить сама себя. Вероятно, поэтому наука научилась сегодня разговаривать не допускающим возражений тоном.

Юридический космос кантовской философии. Вся реальность поделена у Канта на клетки и участки, в каждом из которых действует своя юрисдикция. Юридическая подоплека многих кантовских идей становится ясной уже в предисловии, где он ставит своей задачей утвердить за каждой из способностей «свою юрисдикцию». Кантовская философия предвосхищает таким образом юридический уклон современного мира. Юридические дистинкции встроены в саму реальность, которую мы можем познать. Крайне интересна параллель между взаимоотношением и иерархией интеллектуальных и политических функций и институций. Можно сказать, что эпистемология Канта является своего рода проекцией политических идей о разделении полномочий и треугольнике власти, воплощенных в идеологии и практике Французской и Американской Революций. Такое юридическое по сути решение эпистемологической проблемы и предлагает по существу его критическая философия. Наука Канта, которая входит в сферу действия рассудка, представляет своего рода парламент. Философия — это президентская власть. Чувства — нижняя палата парламента или конгресс. Или даже так: чувства — народ, разум — монарх, а рассудок или наука — сенат. Парламент в определенных случаях может блокировать решения разума или президента. Импичмент президента возможен в области теоретической, но в практической и моральной области приоритет остается за идеалистической президентской властью. Конкретный механизм этого взаимодействия властей или способностей менее важен чем сама политическая метафора действия познания. Так, кантовская философия политической революции — вопреки или в дополнение к тезису Гегеля — готовит философскую революцию.

С чего начинается философия. Философы с давних времен спорят об истоках философского мышления. Начинается ли она с эмоции или с мыс-

ли, а если с мысли — то с какой. Аристотель провозглашает истоком философии удивление. У Конфуция философия начинается с уразумения своей связи с родителями и традицией. У Декарта — с сомнения. У Киркегора — с отчаяния. У Шопенгауэра — с осознания своей смертности. У Маркса — с социального возмущения. У Хайдеггера — с уразумения своего внутреннего, а не внешнего отношения с языком. У Сократа — с окрика Ксантиппы.

О том, что философия не обязательно должна быть умной. Пушкин говорил, что поэзия должна быть немного глуповатой. Но по-своему глуповатой должна быть также и философия, чтобы ей вообще как-то преуспеть. Философы всегда были слишком надменны для того, чтобы признать глупость одним из коренных условий возможности своей дисциплины. Как можно обойтись хотя бы без толики глупости, обсуждая такие, скажем, проблемы, как существование или несуществование идей, статус концепции в науке или проблему существования абсолютной истины. За исключением скороговорки Ницше среди философов не нашлось достаточно искренних, чтобы хотя бы вышептать эту страшную тайну.

О поражении мира идей. Идея когда-то была самым мощным и самым изощренным оружием. Идея была материальной силой — самой сильной, могучей и универсальной из материальных сил. Когда-то страны и континенты ощеривались идеями, как ядерными ракетами. Но постепенно поле брани отходило в сторону от сферы идей. И постепенно Великая Армада идей оказалась отброшенной в какие-то заштатные периферийные болота, далеко в сторону от того открытого моря, где когда-то действительно вершились в морских сражениях судьбы мира и цивилизации.

В модусе времени — продолжая «Поэтику» Аристотеля. Историк думает о прошлом. Футурист — о будущем. Философ — о вечном. Поэт и писатель — о возможном.

Философия и перформанс. Исторически искусство начинается как интегральная часть религии и заканчивается перформансом, вызовом религии и другим социальным институтам. При этом современное искусство нередко смыкается с эпатажем и восприимчиво к кощунству. История философии наоборот начинается перформансом и «кощунством» и заканчивается религиозной догмой. Все великие философы древности не только учили каким-то принципам, но и были активными участниками «перформанса». Диоген Синопский жил в бочке и вызывающе вел себя на улицах, Антисфен ходил по Афинам в порванной тоге, Сократ пил цикуту, Сенека вскрыл себе вены, Фалес на спор стал купцом, Пифагор основал аскетическую школу с весьма экстравагантным уставом жизни. До того как философия была окончательно упразднена изнутри усилиями аналити-

ков, она получила последнее воплощение в советской империи, вышитой по платоновским раскройкам.

Буржуа и философия. Философия есть явный пережиток феодализма. Буржуа не располагает ни досугом, ни праздным любопытством для того, чтобы заниматься или придавать серьезное значение философским вопросам.

Об университетской философии. Ницше и Шопенгауэр жаловались в свое время на университетских профессоров философии. «Вяжут они носки духа», — говорил о них Ницше. «Черви будут есть мое тело, а профессора жевать мою философию», — предвидел Шопенгауэр. «Невозможно выразить словами, как я рад избавиться от кошмара профессорства», — писал брату Генри Уильям Джеймс, имея в виду в том числе и своих коллег. Сартр старался держаться подальше от университетов и философских степеней. Со времен Ницше и Джеймса университетские стандарты философствования еще более деградировали. Всё академически-философское поросло мхом, папоротниками и паутиной. На философских факультетах густо пахнет интеллектуальной сыростью. Вместо сталепроката концепций, схватывающих реальность железным обручем, всюду многословные замшелые мысли и жижа публикаций, сочащихся отовсюду. Удручающая однообразием капель монотонных мыслей.

О тайнах вдохновения. Лучшие идеи философов не безразличны ко времени и месту их возникновения. Декарту его ясные мысли (*l'idee claire et distincte*) приходили в ранние утренние часы. Мать выхлопотала ему особый режим в иезуитском коллеже, где он, освобожденный от строгости иезуитского устава, мог по утрам нежиться в постели, спокойно предаваясь своим размышлениям о методе и о началах. Оттого в его мыслях столько свежего и иногда полупроснувшегося. Романтическим философам, разочаровавшимся в просвещении и картезианстве, идеи приходили в сумерках. Прогулки по кладбищу навевали философские мысли на Шопенгауэра. Ницше выхаживал их особенным быстрым шагом в Италии на взморье. Русский философ Василий Розанов вытрясал их из себя в конке, следуя гоголевским заветам о русскости и быстрой езде. «Больше всего приходит мыслей в конке. Конку трясет, меня трясет, мозг трясется и из мозга вытрясаются мысли». Леви-Стросс признавался, что лучшие мысли приходили ему после каждого нового погружения в интеллектуальный бульон статьи Карла Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта». Вольтер стимулировал свой мозг, опуская ноги в прохладную воду — кровь должна была приливать при этом к голове. Сам автор «18 брюмера» Карл Маркс для продуцирования своих мыслей должен был глубоко затягиваться сигаретой. По этому поводу он жаловался своему другу и соратнику Фридриху Энгельсу: «“Капитал” никогда не сможет окупить сигарет, которые я должен был из-за него выкурить». Особенно изощренную технику, способствующую производству мыслей, предлагает китайский философ

Линь Ютан. По его мнению, физическая поза наиболее соответствующая целям отдыха, мира и созерцания — это лежащая поза на боку с согнутыми коленями. Именно такую позу якобы рекомендовал Конфуций. «Я думаю наилучшая поза — это не плоско лежать на постели, а лежать на постели обложенным большими мягкими подушками под углом 30 градусов с одной или обоими руками подложенными под голову. В такой позе любой поэт сможет создать бессмертную поэзию, философ — революционизировать мышление, а ученый сделать эпохальное открытие».¹ Глубина гегелевских идей выдает что-то глубоко порочное, почти извращенное и анальное в его мышлении: вовсе нельзя исключить, что эти идеи приходили к нему в сортире.

Аналитическая и континентальная философии представляют не только два принципиально разных подхода к философским проблемам. Это в значительной степени две несводимые друг к другу формы интеллектуальной деятельности. В том числе они обращаются к двум совершенно различным аудиториям. Философия аналитического направления обращена на самое себя. Здесь друг друга читают только коллеги, но часто философские труды здесь не очень интересны даже и им. Континентальная философия, напротив, обращается к максимально широкой аудитории: потенциально к той же аудитории, что и автор романа.

Можно также говорить о двух доминирующих темах в континентальной и атлантической философии. В континентальной философии доминирующим является нарратив свободы и эмансипации. От Канта до Фуко тема свободы и эмансипации от всяческих форм эксплуатации, освобождения от физического и интеллектуального порабощения и гнета является центральной и доминирующей. Эта философия разоблачает всё новые формы угнетения, несвободы и опрессии, причем даже там, где их сложно подозревать. Так, Фуко фокусируется на тех областях несвободы, которые возникли и расцвели на почве самой эмансипации. Эта сквозная тема, которая идет от Канта через Гегеля, Маркса, Фрейда и Ницше к Мишелю Фуко. В противоположность этому доминирующим мотивом в истории аналитической философии является тема природы истины, ее верификации и доказуемости.

О языке современной аналитической философии. Философы аналитической школы используют совершенно особенный по-буржуазному осторожный язык. Если континентальные философы стараются прежде всего ошарашить друг друга неожиданной формулировкой или метафорой, то аналитические философы снабжают даже самые тривиальные свои теории множеством оговорок, исключений и *disclaimers*, как будто речь идет о юридическом контракте или деловой сделке. В прошлом философия должна была огорошить человека новой метафорой или смелым па-

¹ Lin Yutang. *The Importance of Living*. NY, 1939. P. 203.

радоксом. Сегодня все это сменилось на ученое сутяжничество и скользкие и обтекаемые формулировки, где практически не за что зацепиться. Философия все больше моделируется по образцу адвокатской практики и основывается не на декларациях, а на прецедентах.

Философия между наукой и искусством. В интерпретации истории философии существуют две линии. Философия может интерпретироваться как в парадигме истории науки, так и в парадигме истории искусства и литературы. Некоторые направления философии прекрасно вписываются в контекст истории искусства и литературы — здесь был свой романтизм, свой реализм, свое барокко, свой минимализм и даже свои импрессионизм и маньеризм. Ницше и Шопенгауэр принадлежат истории немецкой литературы ничуть не меньше, чем истории немецкой и мировой философии. У Ницше философские категории действуют вполне как литературные персонажи со своей историей и судьбой. Философия Бергсона не только по своему содержанию, но и по своей форме письма весьма близка импрессионизму. С другой стороны, многие движения и направления философии не только совместимы с историей науки, но ей прямо принадлежат: одни и те же открытия Декарта и Лейбница в равной степени принадлежат философии и науке. Можно также сказать, что научная линия в интерпретации философии следует парадигме естественных наук, в то время как линия искусства следует парадигме интерпретации философии как «исторической науки» о духе, если воспользоваться дистинкцией неокантианцев. Аналитические и континентальные философы следуют и претворяют две эти одинаково легитимных парадигмы интерпретации философии.

О языке парадоксов. До аналитического поворота философия была естественным злейшим врагом «здравого смысла» и говорила исключительно языком парадоксов. Тождества, построенные внутри такого рода системы, представляли неправдоподобную или логически невозможную ситуацию: «все есть вода», «в одну и ту же реку нельзя войти дважды», «движения нет», «время есть образ вечности», «центр везде, а окружность нигде», «частные пороки есть публичные добродетели», «все действительное разумно и все разумное действительно», «свобода есть познанная необходимость», «Бог умер», «причинности не существует», «история кончилась». В этот парадоксалистский пролом здравого смысла философ мог контрабандой внести целый караван разного дополнительного интеллектуального хлама. Философия аналитического направления решила устранить эти парадоксы и сам парадоксалистский стиль философствования. Ее сверхзадачей стало примирение философии со здравым смыслом. Для борьбы с парадоксами были созданы особые формальные процедуры и карательный аппарат символической логики. Именно с форсирования здравого смысла и борьбы с философскими абстракциями начинается крестовый поход аналитиков на традиционную фило-

софию и ее язык. Витгенштейн говорил, что без ущерба для сути дела можно заменить все философские проблемы на проблемы чисто лингвистические. Как ни странно, постепенно сама эта «научная философия» проваливается в абстракцию и парадокс. В символической логике, ничуть не менее чем в «Науке логики» Гегеля, абстракция доведена до уровня логического и эпистемологического кошмара.

Философия как наука о ценностях. Континентальная философия позиционировала себя как науку о ценностях, а аналитическая философия как науку о логической связи (1) между идеями и вещами, (2) идеями и идеями и (3) вещами и вещами. Аналитический проект предлагает философии раз и навсегда отказаться от суждений о фактах, предоставив их науке, и суждений о ценностях, предоставив их религии, мистике и литературе. Континентальная философия, напротив, настаивает на том, что суждения о ценностях представляют собой самую сердцевину философской деятельности. Ницше видел главное предназначение философии в «переоценке всех ценностей». Тем же самым по сути дела занимается и Деррида – последний крупный континентальный философ: в своей деконструктивистской практике он переносит акцент с доминирующей ценности на ее противоположность. Но и континентальная и аналитическая философии остаются исключительно нормативными науками, так как даже и логика занимается исключительно нормативными проблемами.

О состояниях философии. Подобно воде философия может находиться в разных состояниях: жидком, твердом и газообразном. Мысль в афористической форме – это философия в газообразном состоянии, максимально приближенная к стихам. Доказательства и аргументы не тянут ее к земле. Она освободилась здесь от сил гравитации и композиционной инертности и находится в состоянии свободного полета. В жидком состоянии философия пребывает в статьях. Трактаты – это ледниковый субстрат философии, когда философские молекулы максимально сжаты.

О формуле «Все есть вода». Философия живет в значительной степени лингвистическими инерциями. Революции в философии в значительной степени были инспирированы сменой лингвистических парадигм. Так, философы позднейших времен подражали наивной милетской привычке делать из небольших наблюдений глобальные и абсурдно-максималистские обобщения с претензией на скандал. Все есть одно – так учит древнегреческая метафизика. Вслед за Фалесом, учившим, что все есть вода, философы философствуют через внесение своих поправок в эту формулу.

Все есть апейрон (Анаксимен).

Все есть воздух (Анаксагор).

Все есть огонь (Гераклит).

Все есть атомы (Демокрит).

Все есть число (Пифагор).

Все есть человек (Протагор).

Все есть идея (Платон).

Формулы милетской метафизики отдаются грандиозным и оглушительным эхом во всей последующей истории философии. Возникает даже некоторая неловкость по поводу этих наивных формулировок, но они продолжают подспудно играть решающую роль в философском мышлении. Средневековая философия в лице Фомы и Ансельма Кентерберийского сосредотачивается на самой связке «быть». Главный предмет средневековой философии — это само бытие и его степени и ступени. Все есть бытие и существование, только в разной степени приобщенное к Богу и истинному бытию.

Новая философская парадигма была сформулирована Рене Декартом. Эта новая парадигма переносит поле битвы с теории бытия на теорию познания, со связки «быть» на самого субъекта и пытается найти точку отсчета в сознании. *Cogito ergo sum*. Само существование человека подлечит теперь доказательству. В интеллектуальной перестрелке с Декартом возникает новая цепочка формул — часто полемических и не всегда вполне серьезных.

Локк: *sensio ergo sum* «ощущаю значит существую».

Гассенди: *ambulo, ergo sum* «хожу значит существую».

Шопенгауэр: *volo ergo sum*.

Мерло-Понти: *percipi ergo sum*.

Пруст: *mimini ergo sum*.

Флоренский: *credo ergo sum*.

Ясперс: *cogitavi ergo sum*.

Чернышевский: пишу значит существую.

Соловьев: стыжусь значит существую.

Сартр: свободен значит существую.

Чоран: поглощаю значит существую.

Лакан: там, где я существую, я не мыслю.

Кожев: желаю значит существую.

Камю: бунтую значит существую.

Но подспудно и как бы контрабандой продолжается и онтологическая линия милетской метафизики, но уже совсем боком и обиняком — никогда прямо эта тайна уже больше и не проговаривается. Новая философия тайно сохраняет верность примитивной и наивной милетской метафизике, но уже без прежней честности и достоинства. Мир философов остается единым миром и продолжает искать тотальности и всеединства, вопреки разрыву, провозглашенному великими дуалистами Декартом и Кантом. В основе всего лежит единая субстанция или структура.

Спиноза: все есть Бог.

Лейбниц: все есть совокупность монад.

Ламетри: все есть машина.

Гегель: все есть самопознающая идея.

Фейербах: все есть тело или его функция.

Шопенгауэр: все есть воля.

Ницше: все есть жизнь, воплощенная в воле к власти.

Мах: все есть энергия.

Бендетто Кроче: все есть история².

Эта интуиция лежит в основе даже наиболее развитых философских течений, таких как гегельянство и марксизм.

Маркс: все есть овеществленный труд.

Из этой посылки Маркс выводит как все свои теоретические доктрины — концепцию отчуждения, прибавочной стоимости и материалистическое понимание истории — так и теорию революции. Так как все есть труд, то необходима социальная революция, которая освободит этот труд, позволит ему не отчуждаться от самого себя.

Фрейд: в социальном мире все есть скрытый эффект сексуальности.

Витгенштейн: все есть совокупность фактов.

Фуко: все есть власть.

Делез: все есть политика.

Семиотическая революция уточняет, что все в социальном мире есть знак и главная проблема — проблема интерпретации.

Юнг: все есть символ.

Барт: все есть знак.

Леви-Стросс: все есть структура.

Лакан: все есть язык.

Деррида: все есть письмо.

Хайдеггер впервые попытался вырваться из этого порочного круга и указал на первородную метафизическую ошибку Платона, которая на самом деле уже была заложена у милетцев. Он увидел во всех этих и будущих формулах такой формы метафизику, но так и не предложил новой пост-современной лингвистической формулы философствования.

Новое понимание философии. Исторически философия выступала как царица наук в иерархии человеческих знаний. Наиболее распространенные ее определения обычно включали в себя темпоральный аспект: философия — это наука о вечном. В постсовременном мире такое понимание становится все более проблематическим в силу иерархического понимания отношений между дисциплинами, ценностной нагруженности понятия о вечности и проблематичности самой категории «вечности». Поэтому можно было бы предложить пространственное определение философии. Гораздо более реалистическим для философии может стать статус центральной, а не верховной и не царственной науки. Философия — это пространство между различными сферами знания, своего рода брокерская служба знания, медиация. Философия всегда была ин-

² «Историческое знание — это не разновидность знания, а само знание». Бендетто Кроче.

тимно связана с категорией противоречия. Сфера противоречий — сфера философии. Философия могла бы разрешать и примирять противоречия, возникающие между различными представлениями и концепциями. Философия могла бы быть таким образом буферной зоной между различными сферами знания и опыта, с одной стороны, и между различными сословиями — с другой. Она могла бы осуществлять связь между различными мирами и их ценностями — простонародным, аристократическим, художественным, интеллектуальным и т.п. — поиски общего языка и общего знаменателя между этими мирами. Это пространство для пересечения и диалога различных дискурсов, которое «вне игры» для них. Здесь могла бы идти речь о предрассудках, предпосылках и мифологиях различных дисциплин. Философ всматривался бы в само «темное вещество» вселенной.

Парадоксалистская форма мышления. В отличие от политиков, философов часто помнят именно их парадоксами, а не их действительно достойными и здравыми мыслями. Памяти легче зацепиться за парадокс или абсурд, чем за тривиальность или развернутый аргумент. Так, Дэвида Юма помнят его идеей о невозможности доказательства существования реального мира и идеей о причинности как мыслительной связи событий, а не его концепцией симпатии и цветами добродетели. Платон зафиксировался в исторической памяти идеей о реальном существовании мира идей, а не тонким анализом диалектики познания и красоты. Гегеля помнят его идеей о том, что «все действительное разумно», а не его размышлениями о философии права и тонкой разработкой вопросов феноменологии духа. Ницше — волей власти и сверхчеловеком, а не генеалогией морали. Адорно — случайно оброненной бессмысленной фразой о том, что нельзя писать стихи после Освенцима, а не его блестящей музыкальной эстетикой и анализом форм и масок массового сознания.

Макиавеллизм Фрейда. Фрейд — это Макиавелли либерализма. Он предлагает выстроить институты либерального буржуазного общества таким образом, чтобы канализировать в легитимное русло агрессивную и подавленную сексуальную энергию его членов. Фрейд был в большей степени политическим мыслителем, чем это обычно представляют, и на это обстоятельство обращает внимание Фуко. Вообще Никколо Макиавелли, в не меньшей степени чем Локк, должен по праву считаться родоначальником либеральной политической традиции. Либерализм — это такая система институтов, которая не полагается более на добродетели людей. Это сеть институтов, которая должна вне зависимости от добродетелей людей вести к гармоническому развитию общества и предотвращению войны всех против всех. Отцы-основатели США разрабатывают такую систему в «Федералистских записках». Там они откровенно и в духе Макиавелли разрабатывают утонченные техники институтов — такие, напри-

мер, как торможение процесса принятия решений, бюрократизация, выбор не самого умного президента. К этой макиавеллевской линии в истории либерализма и принадлежит Фрейд.

Самоотрицание философии. Философия настолько мощна и изобильна, что может позволить себе отрицать и потешаться над собой и даже сделать самоотрицание главным своим *modus operandi*. Уже в XIX веке одним из любимейших занятий философов становится отрицание самой философии под разными предлогами и взаимные облыжные обвинения в «метафизике». У Маркса это самоотрицание происходит от лица живого социального действия. У Ницше — с позиций тела и человеческой физиологии. «Тело твое, человек, мудрее всякой философии» — так наставляет он юношей. У Фрейда, который вопреки своим научным претензиям, был не врачом и даже не психологом (недоброжелатели говорят, что психоанализ задержал развитие психологии на 50 лет), а философом, философия трактуется как проекция конкретных психических отклонений. У Сартра — с позиций человеческих эмоций — эмоции и мысли, выращенные в эмоциях, равновелики философии, а часто и умнее ее. У Витгенштейна — от лица науки. У Мура — с позиций здравого смысла. У прагматистов — от лица практики. Мишель Фуко разделяется с философскими идеями от лица «генеалогии» — если вникнуть в генеалогию, от собственно философии и логического ее каркаса мало что останется.

Исайя Берлин — с позиций интеллектуальной истории. Были даже попытки подменить философию классической филологией. Хайдеггер пытается заместить ее вживанием в язык, которое осуществляется или через поэзию, в которой гораздо больше чистоты и аутентичности, чем в чистых мыслях, или через псевдоэтимологию, которой он постоянно и навязчиво занимается. Французские постмодернисты отвергают философию с позиций «микронарративов» и от лица различных меньшинств. С их точки зрения занятие философией, исторические амбиции и формы философского мышления являются нелегитимными: с точки зрения искусства и единичного сам предмет философии объявляется вне закона. Философия предстает у них ложной формой сознания, искажающей все пропорции мира, искажающей самую жизнь. Некоторые философы отрицают философию от лица литературы. Ричард Рорти, например, считает философию одним из литературных жанров наряду с прозой и поэзией. Воистину нет у философии больших врагов, чем сами философы, от нее отрекающиеся. Вся современная философия страдает различными формами ненависти к самой себе (*Selbsthass*), что свидетельствует скорее всего о здоровье ее организма и самоуверенности.

Условия философии. Для возникновения хорошей философии необходимы дерзость, дух праздного любопытства и деньги. В отличие от писате-

лей, которые должны были все время заботиться о хлебе насущном, философы часто были отпрысками богатых фамилий или принадлежали к числу независимо богатых людей или даже богатейших людей в Европе. Разночинцы — редкость среди философов. Несколько примеров из философов первого ряда. Артур Шопенгауэр — рантье, сын преуспевающего голландского коммерсанта из Гданьска. Бендетто Кроче — сын богатых родителей с юга Италии; унаследовал состояние после гибели родителей во время землетрясения. Бертран Рассел — сын лорда. Теодор Адорно — сын преуспевающего винного купца. Эрнст Кассирер — наследник богатого коммерсанта из Восточной Германии. Александр Кожев — отпрыск московской купеческой семьи; жил на проценты со своего капитала. Людвиг Витгенштейн — сын венского сталелитейного магната, одного из богатейших людей в Европе («подобно отцу мой подход в философии чисто деловой», — говорил Витгенштейн). Джордж Сантаяна унаследовал состояние от матери, что позволило ему немедленно бросить профессорскую карьеру в Гарварде и последовательно отклонять предложения от всех крупнейших университетов. В отличие от писателей, которые вынуждены были непрерывно писать романы хотя бы из экономических соображений, философы никогда не могли кормиться литературной продукцией, потому что для нее в любом случае никогда не было массового спроса и рынка сбыта, и не могли создавать свои идеи в спешке. Для производства добротной философской продукции всегда были критически необходимы неторопливость и некоторая доля беспечности, всегда подкрепленные безупречным и постоянным финансовым достатком.

Ницше и Вебер. Две диаметрально противоположных трактовки социальной природы морали идут от Ницше и Вебера. Ницше говорит, что мораль есть результат ressentiment, особого чувства мести и зависти, которое развивается у сырых и убогих по отношению к сильным и благородным. Вебер, напротив, выводит мораль из сентиментов и верований богатых и преуспевающих людей. В согласии с Вебером Стагирит полагал, что мораль может возникнуть только там, где уже удовлетворены все базовые материальные потребности. В этом пункте протестантизм следует прямо за Аристотелем. «У меня все есть и этим я всецело обязан своим добродетелям».

Философия и мастурбация. Из всех физиологических процессов философия ближе всего к мастурбации. В обоих случаях перед нами не взаимодействие, а одинокий антидиалогический или часто даже солипсический опыт, в котором основополагающую роль играет попытка навязать себе и всему миру свой собственный голос и язык. Мир создается в философии в процессе такой мастурбации. На почве мастурбации особенно хорошо потрудились три Жана: Жан-Жак Руссо, Жан Жак и Жан-Поль Сартр. Руссо первым описал свой опыт мастурбации в «Исповеди». Жан

Жане дал его лучшую литературную иллюстрацию в «Богоматери цветов». Жан-Поль Сартр представил наиболее отточенное выражение мастурбации как особого философского стиля.

Кроче и Кожев. Гегельянство обретает в России и в Италии вторую родину достаточно поздно, но здесь мы находим образцы подлинного гегельянства. Из русских гегельянцев наиболее прославился Александр Кожев, который перенес его и на французскую почву. На итальянской почве наиболее преуспел Бендетто Кроче, пересадивший на ниву гегельянства всю итальянскую теорию искусства и эстетику. По сути дела Кроче и Кожев предлагают антропологическую интерпретацию Гегеля в итальянском и русском духе соответственно. Вместо негативности Кожева у Кроче выступает «экспрессия», эстетический импульс. Подобно тому как человек Кожева остается в рамках природы до тех пор, пока он не вольтется в сфере «бессмысленной негативности», человек Кроче остается в царстве природы до включения функций экспрессии.

О трансгрессии. Сущность вещи или сферы раскрывается в процессе трансгрессии, в лиминальном опыте нарушения границ. Так, сущность морали раскрывается в тот момент, когда человек преступает моральный закон — это главная тема Федора Достоевского. Философские истины приобретают смысл в тот момент, когда попираются законы рассудка. Это главная тема первой критики Канта. Или когда интеллектуальный опыт человека становится настолько густым и интенсивным, что его уже не в состоянии вместить никакая, даже самая развилитая, философия. И тогда философия становится поэзией — тема позднего Хайдеггера. Тема обэриутов, Антонена Арто и Жоржа Батая — это выход литературы за пределы всего эстетического, превращение ее в саму жизнь, — в мир по ту сторону «литературы». Истинная поэзия, по словам Цветаевой, начинается там, где поэзия исчезает. Человек получает самый глубокий религиозный опыт в тот момент, когда попираются все глубочайшие религиозные законы и символы. Такова позиция и манера переживания сакрального в некоторых мессианских и сатанических сектах, таких, например, как религиозные движения саббатянцев, франкистов и альбигойцев. Шаббатай Цви придавал особое религиозное значение совершению всех 36 библейских грехов. Во всей истории трудно найти что-либо сопоставимое с воинствующим атеизмом русских большевиков по интенсивности и глубине религиозного опыта, который отразился в их антирелигиозности и святотатстве. По мнению немецкого политического философа и юриста Карла Шмитта, право начинается там, где возникает «чрезвычайное положение» (*Ausnahmestand*) и суверен нарушает законы права, «аннексируя трансцендентное». Ницше считал, что сама человеческая сущность лучше всего распознается в тот момент, когда человек заглядывает за пределы человеческого. Современный мир быстро теряет саму идею нормы и тем самым саму концепцию трансгрессии, которая

придавала такую рельефность и глубину формам общественного и индивидуального сознания.

О древности философии. Философия есть греческая форма сознания. После падения Греции философии так никогда и не удалось возродиться в тех формах, в которых она практиковалась в Элладе. В Элладе философия была прежде всего практикой, а не теорией.

Решающее значение социальной позиции в философии. Аристотель пишет свою философию с точки зрения праздного аристократа, обладающего досугом. В средние века возникла формула философии *sub specie aeternitatis*, то есть с точки зрения вечности. Гегелевская философия написана от лица Абсолютного Духа, который ко всему прочему все время движется и все глубже сам себя познает, все интимнее проникая в собственную сущность. Маркс пытался говорить от лица пролетариата. Фихте, ректор Берлинского университета, — от лица интересов немецкой нации. Есть философия, написанная от лица чиновника — конфуцианство — или от лица общественной пользы — утилитаризм. Экзистенциализм — философия, написанная от лица человека, который вплотную столкнулся со смертью и отнюдь не как с теоретической проблемой. Эрнст Юнгер пишет свою философию с точки зрения солдата. Новизна и блеск Розанова состоят в том, что он пытается писать философию от лица мещанина и обывателя. Итальянский философ Джорджио Агамбен недавно высказал мысль о том, что история и философия сегодня должны исходить из перспективы беженца или иммигранта, перспективы, которая подрывает доминирующую позицию «государства-нации-территории». Постмодернисты пишут свои философии и истории с позиций маргиналов и разнообразных меньшинств. Далек не все философы приветствуют идею субъективной и партикулярной позиции в философии, считая ее неуместной. Но всякая философия как раз и интересна этой своей субъективностью, ангажированностью и «идеологичностью». Философия аналитического калибра выдает себя за универсальную, безличную и объективную философию, на деле являясь лишь выражением профессорской точки зрения на мировые и метафизические проблемы. При этом не просто профессорской, но специфически англосаксонско-профессорской, что часто делает ее еще более узкой и провинциальной.

Философия и игра. Неблагодарную роль уготовил философам Пифагор. Другие могут жить и играть свою роль, а философы должны просто созерцать, да к тому же как будто со стороны. Как будто они уже умерли. Их собственная роль находится за пределами театра жизни.

О Льве Толстом. Главная мысль Толстого, никогда прямо им самим не сформулированная, состоит в том, что все социальное зло и сама тирания проистекают из семьи. Все зло государства и фальшивой общественной морали исходит из института семьи в том виде, в котором он суще-

ствует. Именно из семейной «морали» черпают свои лицемерные рецепты государство и официальное православие. Именно это убеждение стало центральным как для его личной биографии, так и для его книг. Эта мысль на разные лады обыгрывается в «Анне Карениной», и в «Крейцеровой сонате», и в «Воскресении», и даже в «Войне и мире», где Толстой пытается вывести образ идеальной семьи — семьи Ростовых. Именно этим убеждением обусловлено последнее бегство Толстого из Ясной Поляны. Толстой — это своего рода Данте, у которого вместо семи кругов ада остается только один Ад — ад семейной жизни, который он скрупулезно процеживает и изучает, исследуя самые дальние и потайные его закоулки. Его герои являются провожатыми по этому кругу ада. «Крейцерова соната» дает ключ к пониманию всего остального Толстого.

Философия в чужой стихии. Более интересен не философ-философ, а философ-поэт, философ-химик, философ-инженер, философ-конструктор, философ-финансист, философ-астроном. То всегда интереснее, что произрастает не из сельского чернозема, а из чужой или даже враждебной себе почвы, из под асфальта, на краю, на теле, философия, которую вышибают из кремня как огонь, философия как поле боя других дисциплин и областей знания, философия, в которой дышит неутоленный литературный пыл, или бьется чужой порыв к звездам.

Гегель и платонизм. Пожалуй, главное новаторство Гегеля состоит в том, что он переносит платонизм на саму историю. Мир — это не только природа. История также является сферой раскрытия Абсолютной Идеи. Без идеи история просто невозможна: без исторической оправы она разваливается на сотни разрозненных фактов, как мелкие камушки драгоценного колье. Более того, сама природа оказывается только ступенью, ранней стадией в развитии истории, которая насквозь идеологична. Вся гегелевская философия — это попытка показать применимость Платона к истории. И он доводит в своей системе платонизм до логического предела.

Философия и гномы. Университетские профессора философии подобны гномам, остаткам некоего некогда мощного и властного интеллектуального ордена или клана, постепенно выродившегося в карликов. Когда-то могучая дисциплина, искусство королей, мельчает и оказывается запертой в университетскую клетку. Зарастает мхом и паутиной. В этом профессора-философы подобны птицам и мелким ящерицам, которые продолжают сегодня род некогда всемогущих и всемогущих динозавров.

О началах в философии. Ньютон говорил: «Дайте мне рычаг, и я переверну мир». Философ говорит, дайте мне начало и я выведу из него — или сведу к нему — весь мир. В основе философии лежат поиски такого метафизического рычага, такого начала, первичного отношения или пер-

водействия. Платон выводит весь мир из идеи блага. Демокрит — из атомов. Декарт — из положения «я мыслю». Маркс выводит всю свою философию из анализа товара и процессов обмена, с ним связанных. Юм — из отношений собственности. Левинас — из «первичного» положения человека «лицом-к-лицу» с другим человеком. Леви-Стросс — из обмена женщинами. Витгенштейн — из фактов и предложений о фактическом положении дел. Проблема начала — это и есть по сути основной вопрос философии. Спекуляция на этом начале — ее метод. Спекуляция является тем рычагом, который движет каменные глыбы, массы и целые геологические пласты мысли.

Противоречие между системой и методом феноменологии. Метод феноменологии сугубо субъективный, в то время как ее выводы претендуют на полную универсальность и на статус «строгой науки», равной для людей, ангелов и богов. Это противоречие постепенно разрешается в пользу субъективности, и феноменология превращается в плацдарм для всякой вообще субъективной философии, в частности экзистенциализма.

Философия и фехтование. Философ в современном мире подобен человеку, сражающемуся деревянным мечом.

Философия как классовая форма сознания. Философия возникает как классовая форма сознания аристократии, форма сознания свободных людей, облеченных досугом. В Элладе философия считалась не столько наукой — она отказывалась себя таковой представлять, — сколько высшей формой проведения досуга. От занятий философией философы должны были получать почти эротическое удовольствие. Поэтому Сократ проницательно замечал, что «обладание досугом лучше обладания прекрасной девой». Со времен греков философия спускается все ниже по социальной лестнице. В этом отношении философия прямо противоположна танго: в социальном пространстве они движутся в диаметрально противоположных направлениях.

Невольный плагиат философии. Философ вынимает вещи и понятия из привычных контекстов и преобразует их. Если раньше все науки только уточняли философские проблемы и пополнялись за счет философии, то теперь настал черед философии черпать свою проблематику из частных наук. После того как философия была обездолена беспощадным молохом научного прогресса, она вынуждена побираться у наук и непрошенной лезть к ним, как лиса в чужой курятник. Философия заимствует концепции пространства и времени назад из физики. Необходимость и случайность — из статистики. Истину — из логики и семантики. Сон и восприятие — из психологии. Добро и зло — из религии. Смерть — из медицины. Свободу — из сферы права и юриспруденции. Проблемы природных задатков и научения — из педагогики.

Об упадке философских жанров. Раньше философы осмеливались писать поэмы, трактаты, суммы, схолии, диалоги, медитации, пролегомены, философские драмы, опыты, эссе, притчи, беседы или на худой конец тезисы. История знала философов, толковавших о метафизических материях в особых философских манифестах, аналогичных манифестам политическим и поэтическим. Лукреций изложил свои взгляды в философской поэме «О природе вещей». Даже еще сравнительно недавно Ортега-и-Гассет решился написать «Медитацию об охоте», а Гуссерль методично пронумеровал свои медитации. На сегодняшний день философские жанры обмельчали, и все научное философское ремесло застряло и забуксовало в статьях и монографиях. Вместо мыслей — публикации, вместо трактатов — диссертации и застойная статейная мудрость. Мысли настолько сузились и оскудели, что никому просто не приходит в голову дерзновенно назвать свои сочинения трактатом или сутрой.

Чистки в истории философии. В новой философии было не меньше чисток, чем в истории КПСС. Здесь шла борьба со всем вредным и чуждым: психологизмом (Гуссерль), натурализмом (Мур и Кант), идеализмом и идеологией (Маркс), логоцентризмом (Деррида), метафизикой (Витгенштейн и Карнап), то есть против привнесения в философию чего-то ей чужеродного. Были здесь также и борьба с двурушничеством и уклонизмом во имя чистоты идеи.

Национальные проекты в философии. Национализм в музыке протрубил в свой пасторальный охотничий рожок, возвестив целую эпоху европейских национализмов. Вагнер, Дворжак, Барток, Шопен, Глинка, Глюк открыли миру красоту национальных форм и мифов, включив германские, чешские, мажарские и скандинавские мелодии в универсальные музыкальные формы. Национализм и национальные проекты в философии признают не так охотно и далеко не все, так как философия будто бы является наукой об универсалиях. В отличие от музыки национализм проложил себе дорогу в философию без особенной помпы и деклараций. Можно считать, что своя специфическая национальная программа воплотилась во французском скептицизме, британском утилитаризме, американском прагматизме, итальянском эстетизме, немецком идеализме и русском неоплатонизме. Ну а если говорить о философских индивидуальностях как воплощении национального духа, то можно сказать, что национальный дух европейской философии нашел наиболее яркое воплощение в интеллектуальных интуициях Декарта, моральных формулах Бенетама, психологии и философии Уильяма Джеймса, эстетическом мировоззрении Бендетто Кроче и в системе абсолютного идеализма самого Гегеля. В этих национальных течениях философия сливается и перемешивается с фольклором и жизненными привычками европейских наций. Неслучайно универсальная история философии не всегда приветствует и редко узнает в философских системах фрагмен-

ты национальных проектов. Итальянцы Кроче и де Санктис, следуя Вико и своей традиции, предлагают «средний путь» между материализмом и идеализмом и находят его в чувственной природе прекрасного, которая противится трансцендентному началу Гегеля. В «Эстетике» (1902) Кроче художественное знание провозглашается основой философского, морального и практического знания. В редакции Кроче гегельянство оказывается гимном итальянскому эстетизму: теория человеческого духа идентифицируется с эстетикой. При этом он универсализирует эстетический и творческий опыт. В системе Владимира Соловьева в философском оформлении предстают исконные идеи русского национального характера – презрение к границам и мистическая тоска по всеединству. Подобно тому как Кроче осуществляет свою итальянскую программу на основе Гегеля, Соловьев делает это на основе отредактированного Платона.

Концепция первородного интеллектуального греха в философии. В физике одна теория поглощает другую: Эйнштейн уточнил Ньютона, квантовая физика представила теорию относительности как свой частный случай, теория хаоса и теория струн подтвердили и дали новое обоснование теориям сохранения, теории относительности и теориям слабого взаимодействия. В философии, наоборот, новая теория подвергает все старые теории радикальному и часто лобовому пересмотру. При этом старая теория, даже если она включается в новую, как, например, гегельянство в марксизм, все равно является не частным случаем, а принципиально неверной теорией. Речь в истории философии идет не об уточнении, а об идентификации изначальной ошибки или «первородного греха» всех предшествующих философий. Через всю историю красной нитью проходит мысль о том, что философские проблемы связаны с какими-то древними интеллектуальными ошибками. Так философы проецируют на свою дисциплину религиозную идею первородного греха. Мур пишет о «натуралистической ошибке», Альфред Айер – о грехе «априорных рассуждений», Гоббс – о «метафорическом мышлении», Якоби – о «нигилизме», Маркс – об «идеологии» и «линии Платона», Гуссерль – о «естественной установке сознания», Витгенштейн – о «метафизике», Деррида – о «логоцентризме», Ницше – о «диалектике» и «морализме», которые приходят в философию вместе с Сократом и христианством, Мартин Хайдеггер – об «ошибке Парменида», который заглушил досократиков своими требованиями доказательности, Лев Шестов – о «линии Афин» и детерминизме Демокрита и Спинозы, Рудольф Карнап – о первородном грехе естественного языка, его нелогичности, Ричард Рорти – о «метафоре зеркала» и мистификации философии проблемой репрезентации и истины.

О возможном названии для учебника философии. «Идеи, которыми уже больше не живут люди»

Фрейд и Хайдеггер. Хайдеггера и Фрейда редко ставят рядом. Эти мыслители как будто воплощают в себе противоположные векторы и тенденции современного мира. Один маскировался под поэта, второй — под ученого. Противник разума и новый поборник Просвещения, почвенник-консерватор и либерал, швабский провинциал, кичащийся своими корнесловиями, и венский светский лев, эмансипированный иудей. Но между ними есть много общего и их интеллектуальные усилия в значительной степени оказались конгениальными вопреки их собственным представлениям. Оба они поставили под вопрос суверенность разума и открыли для человечества две новых бездны. Просвещение совершало свою интеллектуальную революцию от лица сознания и разума: предполагалось, что сознание постепенно освоит и приручит весь еще нетронутый разумностью и рефлексией мир. Фрейд и Хайдеггер показывают, что сознание представляет собой всего лишь небольшой островок в огромном океане, островок, окруженный со всех сторон целыми слоями под-, пред- и над-сознательного. Фрейд сосредотачивает свое внимание на темном и неосвещенном мире бессознательного, которое занимает гораздо больше места в психической жизни по сравнению с разумом. У Хайдеггера речь идет о светлом мире самого Бытия, которое пребывает заслоненным от сознания, направленного инерцией вовне — на внешние предметы. Заслоненным обыденностью и суетой. Путь к этим двум безднам — путь к спасению — с точки зрения Фрейда и Хайдеггера лежит через язык. Функции и задачи языка у них, правда, прямо противоположны. В случае Хайдеггера истинное бытие открывается человеку только через поэзию и опыт жизни в языке. Бытие Хайдеггера — это своего рода пред-сознательное, которое, впрочем, настолько прозрачно и зыбко, что в самом его существовании можно легко усомниться. Но это «здесь-бытие» настолько интимно связано с человеком, что оно выше всяких возможных процедур сомнения и требует для своего понимания отказа от привычных установок мышления. У Фрейда язык играет скорее инструментальную роль. Язык, с точки зрения Фрейда, — это своего рода компас и карта бессознательного: только через язык, методом свободных ассоциаций, можно обнаружить проблемные области пациента и потом воздействовать на них анализом. Психоаналитик поэтому проходит по языку пациента, как сапер по минному полю. У Хайдеггера, напротив, язык не средство, а цель. Понимание языка ведет философа вверх, а не вниз — к самому бытию, а не к прошлому индивидуальной телесности.

В психологии Фрейда и в философии Хайдеггера центральное место занимают Эрос и Танатос. Фрейд считает либидо первичной психической силой. Хайдеггер считает таковой особый экзистенциальный страх или беспокойство (*Angst*). У Хайдеггера близость смерти позволяет услышать и различить сам контур бытия, бытия, становящегося невидимым в сытой повседневности. Так начинается диалектика сокрытия и открытия: бытие скрывает смерть тем же, чем на нее указывает. У Фрейда анализ языка пациентов указывает на наличие скрытого резервуара эроти-

ческих переживаний. Ниточка сознательных образов уводит человека за пределы сознания — в прошлое. Выясняется, что человек является всего лишь куклой Эроса. В кинематографе эти две философских установки нашли отражение в фильмографии двух режиссеров — Феллини и Бергмана. Феллини — это кино-фрейд. Бергман — это кино-Хайдеггер.

Фрейд и Хайдеггер с равным удовольствием макают свою кисть в древнегреческую культуру, придавая своим писаниям и метафорам античную ауру. Им обоим особенно близка досократическая культура древней Эллады. Но все греческое при этом у них неизменно извращено и фальсифицировано. Отец психоанализа выворачивает наизнанку миф об Эдипе. Эдип оказывается у него инцестуозным любовником собственной матери. Хайдеггер также обращается к досократикам, у которых мысль и поэтическая форма еще были слиты вместе, но его Гераклит с его «жилищем», а также злой гений Парменид, как и вся греческая философия в целом, извращены до неузнаваемости.

Сила фрейдизма — в анализе прошлого опыта, а сила хайдеггеровского экзистенц-анализа — в понимании настоящего. Оба оказались достаточно близоруки в отношении будущего.

Маркс и буржуазия. Маркс спугнул буржуазию своим «Манифестом». Пролетариат мог бы заставить буржуазию врасплох.

Фрейд и Гегель. Гегельянство и фрейдизм ставят опыт самопознания в центр человеческой жизнедеятельности. У Гегеля самопознание самоценно, так как познание и свобода составляют само содержание мирового телеологического процесса. У Фрейда же самопознание носит чисто терапевтический характер. Но само лечение также приравнивается к освобождению.

Профессиональный кодекс философа. Убеждение Платона в том, что мир состоит из идей, так же естественно для философа, как и утверждение, что мир состоит из артиллерии, танков и траекторий движения неприятельских войск для военного, или что мир состоит из шестеренок и маховиков для инженера-механика, или что мир состоит из бефстроганов, пельменей и жареной утки с гарниром для шеф-повара. Панидеализм Платона и Гегеля — это не только и даже не столько философская позиция, сколько сама профессиональная предпосылка всякого возможного философствования. Нечто подобное профессионально-мотивированное можно также заподозрить и в известной формуле Декарта: «мыслю значит существую». Это не просто дедуктивный вывод или первая посылка силлогизма, но и нечто вроде кредо писателя: «ни дня без строчки».

Ницше и Фрейд. Философия Фрейда соотносится с философией Ницше так же, как философия Маркса — с философией Гегеля. Рассказывают, что Фрейд боялся читать Ницше, узнавая в его афоризмах предвосхище-

ние своих собственных мыслей. Фрейд можно считать первым практиком, который смог интерпретировать ницшеанство в чисто прикладном ключе. В отношении морали общая мысль Ницше и Фрейда состояла в том, что это явление крайне нездоровое и болезненное, к тому же приводящее к массе психологических и физиологических проблем. Фрейд пытается изыскать в своей системе практические средства для реализации программы Ницше по борьбе с вредоносной христианской моралью, которая подавляет тело и психику. Психоанализ должен помочь уязвимой психике человека справиться с христианской моралью, которая неизбежно приводит к травмам и психозу.

Противоречие между системой и методом Фрейда. Согласно системе Фрейда, большинство психических проблем прямо или косвенно связаны с сексуальностью. Метод Фрейда предписывает лечение этих проблем самопознанием — то есть предписывает пациентам чисто философский метод, метод Сократа и Гегеля.

Неслучайно коллеги Фрейда, психиатры, жаловались, что Фрейд, изучавший в Венском университете зоологию и философию, почему-то вдруг возомнил себя врачом. Противоречие же между его методом и системой состоит в том, что сознание, вопреки фрейдовским рецептам, скорее усугубляет сексуальные проблемы, чем лечит их. Познание и знание — враги жизни, секса и сна. Это хорошо понимал уже Ницше.

Путаница с понятиями бытия и небытия. Небытие — это и вечность Платона, и повседневная суета. Жизнь и бытие существуют лишь там, где порвана сеть повседневной рутины.

Спор Ленина с Платоном. Двум взаимосвязанным тезисам Платона: (а) Мир состоит из идей, а не из вещей, и (б) философы должны управлять государством — Ленин противопоставил свое краткое философское кредо: (а) Мир состоит из материи и материальных интересов, а не из идей; (б) каждая кухарка, если пораскинет мозгами, легко может управлять государством.

Обыденные онтологии. Своя онтология есть у самых обыденных и прозаических людей и только гордыня философов и их профессиональный шовинизм часто не позволяют им увидеть эти онтологии со своими градациями, иерархиями и ступенями бытия. Их философия и система ценностей обычно воплощаются не в тезисах и не в символах веры, а в самих действиях. Для одних в жизни существует только семья, для иных — только деньги, для третьих — только путешествия, для четвертых — работа и карьера, для пятых — искусство.

Проблема метода в философии. В древней философии еще не чувствуется никакой методологической озабоченности. До Сократа филосо-

фии удавалось обходиться без всякого метода; после Сократа греки довольствовались сократовским методом. Методологические аспекты аристотелевской логики надолго осталась на периферии внимания истории философии как науки и всегда рассматривались скорее как частный метод анализа аргументов. Методологическая озабоченность возникает в философии по сути только с Декартом, хотя намечается уже у Бэкона. Именно поэтому в древности философские школы и направления получали свое имя не по своему методу, а по имени своего создателя, по имени города или по системе постулатов, которая в них исповедовалась. Так возникают школы эпикурейцев, киреонаиков, стоиков, киников. Современные философские направления, напротив, как правило, называются по методу, а не по своим ценностным ориентациям: структурализм, феноменология, экзистенциализм, позитивизм, структурализм, герменевтика, диамат, критическая философия, деконструкция, аналитическая философия. И в этом факте уже зафиксировано понимание философии прежде всего как особого метода, а не набора метафизических идей и предположений. Хотя Гадамер противопоставляет истину и метод. Метод специфически важен для естественных наук.

Витгенштейн и Ленин. Как аналитическая философия, так и диамат возникают в отталкивании от гегельянства, которое еще в начале века доминировало в европейской философии от Рима и Лондона до Москвы. Диамат вырастает из левого гегельянства, но позже бросает ему вызов справа, критикуя его за идеализм и оторванность от земли и классового анализа. Аналитическая философия также отталкивается от гегельянства, но нападает на него слева, критикуя его методы и его путанный тарабарский язык.

Рецепт философского бестселлера. История знает не так много философских бестселлеров. Но почти все из них обладают одним и тем же свойством. Эти философские бестселлеры вбрасывают в интеллектуальную игру какой-то абсурдный и вызывающий тезис. Этот тезис или малопонятный парадокс полностью противоречит здравому смыслу и интуиции. Зенон говорит о том, что Ахиллес «никогда не догонит черепахи». Деррида жонглирует скандальным и юродивым языком. Ницше ошарашивает парадоксом «Бог умер» и описывает мораль как законспирированную волю к власти. Кожев торжественно объявляет о «конце истории» и «смерти человека». Шпенглер вдруг заводит разговор о «Закате Европы» — причем в тот момент, когда Европа находится на пике своего развития и не знает себе никаких реальных конкурентов. Хайдеггер озадачивает тезисом о том, что атомная бомба якобы уже взорвалась в сочинениях Парменида и провозглашает язык «домом бытия». Для поддержания жизненного тонуса философии необходимы скандал и провокация.

Локк и Платон. В истории философии существуют две фундаментальных фигуры и две линии — линии Платона и Локка. Идея «чистой доски» Локка лежит в основе либеральной политической доктрины. Эта традиция выносит за скобки традицию, идеологию и культуру. У Платона, наоборот, человек является такой доской, которая уже давно вся исписана символами, идеями и всевозможными иероглифами. Спор Локка и Платона прочитывается во всей последующей философии и психологии: в противоречиях между Фрейдом и Юнгом, в споре между Марксом и немецкими социалистами, в современных теориях сознания.

Философия и литература. Философия возникает из литературы и должна постоянно возвращаться и принимать к литературе как к своей родной почве и источнику. Некоторые типы философии могут легко окунаться в литературу, узнавая в ней свою собственную стихию. Другие уже не узнают себя в ней.

О падающих звездах философии. Конец века неминуемо знаменуется падающими звездами философов. Начало двадцатого века совпало со смертью Ницше. В самом начале XXI века стихийно вымирает целая плеяда последних значительных или хотя бы чем-то примечательных философов XX века: буквально за несколько лет умирают Джон Роулз, Роберт Нозик, Исая Берлин, Ричард Уолхайм, Бернард Уильямс, Ганс-Георг Гадамер, Уиллард Куайн, Дональд Дэвидсон, Ричард Хэр, Жак Деррида, Поль Рикер, Ричард Рорти, Жан Бодрийар. При этом все это происходит бесшумно и почти незаметно, хотя еще в середине прошлого века смерть средней руки философа вызывала общенациональный траур и многотысячную похоронную процессию. Достаточно вспомнить Жана-Поля Сартра и Бендетто Кроче. Речь таким образом уже идет о физической, а не фигуральной смерти философии. Ко всему прочему мощные кадры университетской геронтократии, выкованные демографией, долгожительством и холодной войной, грозят подточить и без того хрупкие шансы философии на жизнь.

Три фундаментальных вопроса философии: где начало, как из этого начала получить все остальное и что есть это все.

Философия и практика. Точка зрения на философию, выраженная Франклином, основателем Американского Философского Общества, и совпадающая с общеамериканской точкой зрения: «Все философы — мудрецы в своих сентенциях и глупцы в своем поведении».

О переводах. Перевод французских и немецких философских сочинений на английский язык — Лаокоон, которого душат змеи английской грамматики.

Век сплавов в философии. В век всеобщего смешения философия больше не продуцирует чистых форм и сюжетов. Чугунный век производит только эклектические сплавы. Так возникают противоестественные и иногда гротескные сочетания кантианства и аналитической философии, аристотелианства с фрейдизмом и марксизмом. Все видные современные философы, за исключением Хилари Патнэма, который скорее математик чем философ, представляют какую-то смесь континентального и аналитического философствования – Ричард Рорти (синтез прагматизма и постмодернизма), Ричард Уолхайм (аналитическая философия и психоанализ искусства), Уиллард Селларс (континентальное кантианство и аналитическая философия языка), Бернارد Уильямс («Этика и границы философии» суть аналитические поправки к французским релятивистам). Питер Строусон, Уильям Беннет и вся традиция оксфордского неокантианства реабилитирует Канта и восстанавливает его в правах внутри аналитической традиции. В пику натуралистам, которые полагают, что науки поставляют философии начальные точки рефлексии, Строусон начинает свой анализ с самого сознания. И в этом он следует натуралистам. Нечего и говорить, что эти сплавы далеко не всегда органичны.

Клубневая и плодово-ягодная философия. Две разновидности философии можно обозначить клубневой и плодово-ягодной. Клубневая философия произрастает из почвы повседневных проблем и пытается их разрешить. Плодово-ягодный тип философии уносит человека за облака крайних абстракций. Плоды этой философии поэтому всегда располагаются вдалеке от родной почвы проблем, породивших философские вопросы. Но для ориентации и правильного понимания плодово-ягодной философии необходимо все-таки обратиться назад к клубням и корням.

Юм и Просвещение. Юма часто представляют не только как шотландского сподвижника и соратника философов Просвещения, – он был другом Вольтера и Руссо, – но и как одного из его столпов. Это только часть истины, причем меньшая ее часть. Юм нанес сокрушительный и по существу фатальный удар по всей концепции Просвещения – в особенности своей идеей несводимости дескриптивных и прескриптивных суждений, показав, что моральное предписание не может быть выводом ни из какого высказывания, описывающего фактическое положение дел. Фундаментальная дистинкция Юма приводит к выводу о том, что никакую мораль невозможно вывести из разума и разумных оснований. Для обоснования нравственности необходимы другие источники. По признанию Канта, Юм пробудил его от «догматического сна». Но пробудил он не только Канта, но и целую плеяду блестящих континентальных писателей – романтиков и оппонентов Просвещения. Как во Франции (Жозеф де Местр, Бональд, Ламене), так и в Германии (Гаман, Якоби). «Размышления о Французской Революции» де Местра буквально нашпигованы цитатами из Дэвида Юма. В смысле основных направлений своего влияния

Юма можно сравнить с Наполеоном (только с обратным знаком), который по мысли Шпенглера, вопреки своей воле и намерениям осуществлял по сути своей британский политический проект, став невольным орудием атлантической глобализации. Распространение Наполеоновского Кодекса, а также продажа Луизианы Америке и организация фатального для французской Армии и эфемерного по своим целям похода против России (из 500 000 солдат на родину вернулось только около 25 000) сыграли на руку англосаксам. Таким же образом и философский проект Юма в интеллектуальном плане внес важный вклад в чуждый его непосредственным намерениям проект Контр-Просвещения и континентального иррационализма. Просвещение так никогда и не смогло до конца залатать ту брешь, которая образовалась в непотопляемом доселе корабле разума, который продолжал свое триумфальное шествие. После Юма больше нельзя строить этику исключительно на фактических основаниях: именно поэтому Милль в своих рассуждениях о свободе обращается через голову утилитарных соображений к непосредственной ценности свободы. Юм разбудил Канта и романтиков, романтики разбудили постмодернистов. Постмодернисты развернули свою революционную контр-просвещенческую агитацию.

Философия как контристория. Философский подход к вещам идет против шерсти истории: философия асексуальна и аисторична. Философия всегда определяет себя как в отношении методов и систем естественных наук, так и в отношении истории. Новая философия особенно враждебна истории. Те истории, которые преподносят нам авторы теории естественного права — это не история в собственном смысле этого слова, а всего лишь серия умственных экспериментов. Когда Гоббс, Локк, Юм и Руссо говорят о «естественном состоянии», речь идет о ментальных конструкциях и процедурах, а не о реконструкции прошлых событий. Предмет средневековой философии — *над-исторические* вечные истины. Предмет феноменологии — *пред-историческое*, сознание до раскола на субъект и объект, тот просвет бытия, который предшествует «я мыслю». Предмет структурализма — *вне-исторические* законы сознания. И даже в марксизме и постмодернизме с их казалось бы эксклюзивным интересом к истории речь идет опять же не об историческом, а о *сверх-историческом* и *пост-историческом*. Исторические события, о которых идет речь у Маркса и пост-модернистов, получают смысл только в отношении к *сверх-историческому*.

Философия как маркитантка науки. Исторически философия была авангардом науки, стояла на дальней передовой познания: философы задолго до ученых заговорили об атомах, гелиоцентрической модели Вселенной, математических парадоксах теории множеств и о многом-многом другом. Философы первыми высказывают мнения о Вселенной в виде догадок. Современная наука запрещает философии подобное визионерство и ставит философию в свой арьергард — для прикрытия с тыла и с флан-

гов: в ее задачи входит теперь только проверка языка научных высказываний и уточнение логических отношений. В этой своей функции философия оказывается даже не служанкой, а маркитанткой науки. Маркитанткой, всюду следующей за боевым фургоном научного метода. Философия должна бежать за паровозом науки, как есенинский жеребенок.

О хрупкости человека как начале философии. Первая интуиция всякой здоровой философии — мысль о хрупкости человека. Декарт определяет человека как «мыслящую вещь», сочетание мышления и телесной протяженности. Паскаль, его современник, говорит о человеке уже как о «мыслящем тростнике», сочетании мышления и хрупкости. Яйцеподобность человека, его хрупкость, принимаются как аксиома в китайском мышлении. «Яйца, никогда не сражайтесь с булыжниками», — гласит китайская поговорка.

О причинах упадка современной философии. Философия всегда вдохновлялась политикой. Спекулятивные конструкции метафизики, причем самые эйфорические и возвышенные из них, ведут свое происхождение от политических установок и позиций. Политика и этика — не венец философской системы, а скорее ее исток. Политические убеждения и историческая обстановка сочатся метафизикой: агент пытается распространить свою политическую ангажированность на весь космос. В этом смысле политика — мать философии. Метафизические идеи столь же антропоморфны, как и религиозные установки. Неудивительно, что современная философия потеряла свою витальность и актуальность из-за отсутствия серьезных идеологических конфликтов в широком либеральном консенсусе.

Человек и его привязанности как изобретения. Свои отцы и изобретатели есть не только у технических устройств и научных концепций. Фундаментальные категории человеческой жизни, как и идеи, имеют свою интеллектуальную родословную. Сейчас уже трудно, почти невозможно поверить, что веру изобрели древние евреи, надежду — христиане, любовь — провансальские трубадуры XII века, права человека — французские просветители XVIII века. Даже изобретение логики и дружбы приписывают древнейшим изобретателям — древним грекам, а изобретение современного человека — Шекспиру.

Стратегии столкновения в философии и в науке. В физике стратегия столкновения различных теорий состоит в обходе с флангов. Неприятельскую теорию необходимо окружить и затем представить частным случаем более общей теории. Такова была стратегия объяснения и оттеснения в теориях электромагнетизма, относительности, поля и слабых взаимодействий. В философии стратегии противостояния оппоненту более многочисленны и изощренны. Достаточно назвать здесь следующие наиболее распространенные стратегии и методы: жесткого лобового стол-

кновения, медленного обволакивания, всасывания, длительной осады, переворачивания с головы на ноги, моральной и политической дискредитации, выжимания прибавочных смыслов, стратегию сателлитов, засады и экстраполяции. Примерами стратегии лобового столкновения, берущей начало в построении аттической фаланги, могут служить древнегреческая ионийская метафизика. Если Фалес говорит, что все есть вода, то Гераклит — что все есть огонь. Длительная осада подразумевает попытки логической бомбардировки. Другая стратегия — стратегия всасывания — провозглашает все теории верными: верными или коллективно (Эмпедокл считал, что все в мире есть огонь или вода или воздух или земля) или генетически (Гегель любил повторять, что «истина есть целое»). Стратегия обволакивания заключается в переинтерпретации концепции оппонента в контексте своей собственной теории. Классический образчик стратегии выжимания прибавочных смыслов представлен в интерпретации Гегеля Александром Кожевым. «Переворачивание с ног на голову» воплотилось в интерпретации Гегеля Карлом Марксом. Стратегия экстраполяции — в интерпретации Шопенгауэра Ницше, в том числе в экстраполяции эстетической теории гения последнего на сферу морали (сверхчеловек).

Деконструкция как поп-философия. Деконструкция представляет собой симптом, а не путь разрешения философских проблем. Деконструкция — это боль, а не лекарство. Главная мысль ее состоит в том, что вещи утрачивают качественные различия. Дар ничем не отличается от обмена, яд есть лекарство, онанизм ничем не хуже полового акта... Метод деконструкции, который деконструирует старые дистинкции, созвучен состоянию современного мира, где вещи утрачивают свою качественную определенность и своеобразие. Тезис о том, что все есть письмо, также созвучен современному состоянию мира. В современном мире письмо максимально профанизировано: здесь все рано или поздно превращается в письмо и все опосредовано письмом. В древности письмо было чем-то загадочным и экстраординарным, будучи тесно связанным с религией и производством священных текстов. Когда Деррида говорит, что все есть письмо, он среди прочего имеет в виду и ту новую реальность профанизации письма, когда письмо больше не представляет «порядок сакрального» и когда исчезает священный трепет перед производством текстов.

О поругании философии. Философия, всегда старавшаяся расподобить себя от поэзии, сегодня заговорила с ней на одном и том же языке. В свое время Платон призывал изгнать поэтов из государства. Теперь речь зашла о том, что надо бы выбросить с корабля современности и самих философов. Философия была разоблачена как жанр. Маркс оказался идеологом зловещего коммунизма. Фрейд — не просто шарлатаном, но и агентом, ответственным за современный имморализм. Хайдеггер — приспешником

фашистов. Сартр — демагогом, впавшим в маразм, маоизм коммунизм. И даже казалось бы безобидный Декарт, если верить Иоанну Павлу Второму, своей формулой *cogito ergo sum* завел человечество в тупик тоталитарных идеологий. Согласно опросу, проведенному недавно во Франции, в число «100 великих французов» из философов вошел один только Сартр и то на 98-м месте. Декарт в список вообще не попал. Если даже во Франции вопрос ставится ребром: можно ли еще верить философам (подзаголовки французских газет конца 80-х годов), то надо думать на остальном пространстве этот вопрос уже давно разрешен и разрешен не в пользу философии.

Философия оказалась вовлечена в идеологию и политику не только Сталиным, Гитлером и Муссолини (последний вдохновлялся философией Джованни Джентиле), но и в наиболее кровавые политические тирании третьего мира — Пиночета в Чили, Пол Пота в Камбодже и Гусмана в Латинской Америке. Пол Пот, выпускник Сорбонны, возглавил движение красных кхмеров. Чилийский диктатор Огусто Пиночет вдохновлялся либертарианской философией Милтона Фридмана. Гусман, террорист, мечтавший о воссоздании в перуанских джунглях империи инков, был профессором философии и находил основания своих политических идей в мыслях Мао Цзэдуна. С точки зрения критиков философии интеллектуальная тиранья первична по отношению к политической тираньи. Александр Кожев писал по этому поводу: «Философы и тираны нужны друг другу, чтобы завершить работу истории — тиранам нужно подсказывать, какой именно потенциал заложен в дремлющем настоящем; философам нужны те, кто достаточно дерзок, чтобы его реализовать». Великобритании спасли от политической тираньи только ее старинные антифилософские и антиметафизические инстинкты.

Об экономии письма. У писателя, как правило, есть только одна книга. Книжки, написанные до нее — наброски или эскизы к ней. Последующая — обрезки из нее. Все последующие — обрезки обрезков.

Об афоризмах. Среди афоризмов человек чувствует себя в родном ландшафте, соразмерным его собственным мыслям. Трактаты смотрятся настоящими небоскребами по отношению к хижинам афористического мышления.

Смена критериев. Раньше за поэта считался человек, который в рифму писал стихи. Потом стало ясно, что поэт вовсе не обязан писать в рифму. Чтобы считаться поэтом, достаточно писать белым стихом. Сейчас становится все более очевидным, что поэту вообще не обязательно что-то писать, чтобы называться поэтом. Ему достаточно просто жить определенным образом. Поэт — это образ жизни, а не характер продукции или объем написанного.

Философия как девиантная форма мышления. Философичность вряд ли присуща самому мышлению как таковому. В какой момент и при каких условиях декартово «я мыслю» превращается в «я философствую». Философский модус мышления крайне редко возникал даже среди самых рафинированных и высокоразвитых цивилизаций мировой истории. Философия — это такое качество мысли, которое достигается за счет отказа от всякой опоры на внешнее — факты, тексты, теории, религии, ритуал. Но такая форма мышления возникла лишь однажды в Древней Греции. Философия — это девиантная форма мышления, отклоняющаяся от практических и культовых целей.

Метафорические ряды в философии. Мифология исторически движется от богов плодородия к военным богам: от Дианы и Астарты — к Марсу и Одину. В философии нет подобной однозначности движения. Геометрические метафоры Платона, биологические метафоры Аристотеля, писчебумажные метафоры Локка (*tabula rasa*), механические метафоры Декарта и Ламетри, юридические метафоры Канта, метеорологические и топологические метафоры Уайтхеда, парикмахерские метафоры аналитических философов («бороды Платона» и «брадобрей» Рассела), геологические метафоры Шпенглера («псевдоморфоза»), архитектурно-строительные метафоры Карла Маркса («базис и надстройка») и военные метафоры Ницше и Ленина («воинствующий материализм»). Философия еще должна научиться мыслить по-военному четко и задействовать военные метафоры.

Женщина как первый товар. Идеи Маркса, Фрейда и Леви-Стросса можно соединить в общий тезис. Прибавочная стоимость женщины — возможность получить сексуальное наслаждение. Женщина — первая форма присвоения, знакомая уже докапиталистическому хозяйству. Идущая по улице женщина уже представляет собой интерес как имеющая в себе и гордо несущая такую прибавочную стоимость.

Игры, в которые играют философы. Ученые играют по установленным правилам игры. Философы сами создают правила той игры, в которую играют. Ее первым правилом становится разрушение или радикальная смена уже установленных правил. Ученые пользуются уже установленным языком для выражения своих мыслей. Великие философы создают свои дистинкции и свой язык или расширяют уже существующие категории.

Степени абстрактности. Философию часто называют наиболее абстрактной наукой и видят в этом главный источник неточности ее выводов. Но математика не менее абстрактна по сравнению с философией, тем не менее в ее абстракциях, наоборот, находят гарант точности и нейтральности. Кажется, что такие географические категории, как, скажем, «Евразия» или историческая категория, как, скажем, «средние века» ме-

нее абстрактны, чем философские категории истины или смысла жизни. Но можно ли вообще говорить о том, что философия более абстрактна и не обманываем ли мы себя, описывая ее таким образом. Не возвращаемся ли мы тем самым назад к платоновской концепции «степеней бытия». Некоторые видят в неточности и абстрактности философии предлог для внедрения в нее более точных и практических методов. Но такой строгий подход к философии часто напоминает попытку лудильным устройством чинить японскую электронику.

Истина и идентичность. Человек движим не поисками истины, а поисками своей идентичности. Истина — это только одно из имен и отражений идентичности.

Прагматизм как конечная остановка всех философий. Все пути ведут в прагматизм. Витгенштейн приходит к прагматизму в своих «Философских исследованиях»: мы должны думать не о значении терминов, а об их использовании в обыденном языке. К прагматизму приходит Куайн в своей прагматической критике эмпиризма и обсуждении вопроса об отношении наших верований к опыту. И Хилари Патнэм — в своей семантике и дискуссиях о существовании реальных объектов. А также Нильсон Гудмен и Ричард Рорти. К прагматическим решениям своих релятивистских конструкций приходят даже постмодернисты.

Человек и его отражения. Лакан говорил о зеркальной стадии как о первой стадии развития и самоидентификации младенца. Однако стадия зеркала — гораздо более универсальная и всеобъемлющая. Символическое и реальное Лакана — это не более чем иные дополнительные зеркала. В своей жизни человек отражается в тысячах естественных зеркал: в лужах, природе, семье, витринах, городах, детях, социальных институтах, государстве, морали, природе, дождевых каплях. Зеркало охватывает и репрезентацию и идентичность.

О магии слов. В свете теории Ивана Павлова об условных и безусловных рефlekсах сомнительно звучит сегодня восточная мудрость «Сколько ни говори халва, во рту слаще не станет». Но она и вовсе неправдоподобна в случае таких слов, как «поэзия» или «Парнас». Стоит их повторить четыре-пять раз, на душе становится гораздо поэтичнее.